Согласно п. 9 ч. 1 ст. 3.30 ПИКоАП, должностные лица налоговых органов наделены правом составления протоколов об административных правонарушениях по широкому перечню составов. При этом налоговый орган выступает в двух ипостасях: как контролирующий субъект и как субъект, ведущий административный процесс.

Установление налоговыми органами фактов правонарушений инициирует механизм административного преследования, порядок реализации которого строго регламентирован нормами национального административно-деликтного законодательства.

Административно-процессуальный статус налогового органа как органа, ведущего административный процесс, включает в себя исключительное право на сбор доказательственной базы в ходе налоговых проверок, которая впоследствии трансформируется в материалы административного дела. В условиях цифровизации данное право расширяется за счет использования данных, содержащихся в информационных системах. Проблема заключается в том, что «автоматизированное обнаружение» признаков правонарушения алгоритмом системы требует четкого процессуального оформления, что не всегда коррелирует со скоростью работы цифровых платформ.

Широкие полномочия налоговых органов Республики Беларусь создают системный дисбаланс. Он проявляется в отставании правовых норм ПИКоАП от темпов цифровизации контроля, а также в отсутствии объективности из-за совмещения функций по сбору доказательств и наложению взысканий.

УДК 347.65:347.77:004(476)

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВОПРЕЕМСТВА

А. В. Гуглева
Белорусский государственный экономический университет, магистрант

Появление информационных технологий вынудило общество начать активно адаптироваться к новым реалиям. На сегодняшний день такие изменения коснулись всех сфер нашей жизни, что закономерно ведет к существенным переменам в законодательстве. Одной из причин таких изменений стало появление и последующее распространение таких объектов гражданских прав, как «цифровые активы».

В настоящий момент в законодательстве Республики Беларусь нет легального определения «цифрового актива» как объекта гражданских прав. Вместе с тем в правовой доктрине уже сейчас наряду с категорией «цифровые активы» часто используют термины «виртуальное имущество» и «цифровое имущество». Как отмечает С.М. Негареш, виртуальное имущество представляет собой объекты, не имеющие материальной формы и функционал которых ограничен применением в определенной виртуальной системе (социальные сети,

онлайн-игры, блокчейн). Цифровое имущество включает, помимо виртуального, также цифровую форму традиционных объектов гражданских прав. Цифровые активы – наиболее широкая категория, охватывающая объекты, не относящиеся к имуществу, но имеющие цифровую форму. Для целей наследственного правопреемства такое разграничение имеет принципиальное значение: если оцифрованный документ наследуется по общим правилам о наследовании соответствующей вещи, то токен или аккаунт требуют специального правового подхода [1, с. 267].

Учитывая, что цифровые активы для Республики Беларусь относительно новое явление, порядок их наследования также полноценно не определен. В связи с этим сразу возникает ряд встречных вопросов:

- Если цифровой актив может храниться на виртуальной площадке, как наследники смогут получить доступ к такому имуществу?
- Приобретают ли цифровые активы статус выморочного имущества при отсутствии наследников? Если да, то как будет происходить передача такого выморочного имущества государству?
- Могут ли такие объекты стать наследственной массой как по завещанию, так и по закону?

Основная проблема заключается в определении места цифровых активов в системе объектов гражданских прав, закрепленной в законодательстве Республики Беларусь. Согласно п. 1 ст. 1033 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), в состав наследства входят все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства, существование которых не прекращается его смертью.

Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя:

1) права членства (участия) в коммерческих и других организациях, являющихся юридическими лицами, если иное не установлено законом или учредительными документами;

2) право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью;

3) права и обязанности по алиментным обязательствам;

4) права на пенсии, пособия и другие выплаты на основании законодательства о труде и социальном обеспечении;

5) личные неимущественные права, не связанные с имущественными.

В ст. 128 ГК под видами объектов гражданских прав, законодатель понимает: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытую информацию; объекты интеллектуальной собственности и права на них; нематериальные блага. В данном случае, мы склонны считать, что цифровые активы относятся к «иному имуществу», а, следовательно, их наследование будет осуществляться в порядке и на условиях, установленных законодательством наравне с другими объектами гражданских прав [3, с. 178].

Однако необходимо учитывать, что принадлежность подобных активов обезличена: наследодатель не числится ни в каких реестрах и нигде не зафиксирован, вследствие чего подтверждение права собственности на такие

активы затруднено. В целях обеспечения сохранности цифровых активов наследодатель вправе заранее предоставить наследникам сведения о номере и пароле от виртуального кошелька либо оставить соответствующую информацию в банковской ячейке, что будет рассматриваться в порядке, аналогичном наследованию содержимого банковской ячейки.

В случае отсутствия наследников и смерти собственника виртуального кошелька имеются основания рассматривать соответствующие цифровые активы в качестве выморочного имущества. В таком случае законодатель может установить норму, согласно которой платформа, на которой находятся соответствующие цифровые активы, обязана передать выморочное имущество государству после предъявления свидетельства о смерти собственника виртуального кошелька.

Однако следует учитывать, что механизм передачи выморочного имущества государству, предложенный выше, работоспособен лишь в отношении тех цифровых активов, которые хранятся на площадках, подконтрольных белорусским резидентам (резидентам Парка высоких технологий). Если же актив размещен на зарубежной платформе, белорусское государство не располагает правовыми средствами для истребования такого имущества. В этом случае цифровой актив фактически утрачивает связь с наследственным правопорядком, а обязанность платформы передать его государству может быть исполнена лишь при наличии соответствующего международного договора или добровольного согласия оператора платформы.

Поскольку Республика Беларусь стремится к построению цифровой экономики, законодателю целесообразно уже в настоящее время разработать комплекс мер в области регулирования цифровых активов либо внести соответствующие коррективы в действующие нормативные правовые акты. Основным нормативным правовым актом, регулирующим оборот цифровых активов наряду с Гражданским кодексом, является Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). Вместе с тем и в нем присутствуют нормы, нуждающиеся в доработке.

Декрет № 8 в подп. 2.2 п. 2 прямо предусматривает право физического лица наследовать и завещать токены. Таким образом, на правовом уровне наследуемость токенов не вызывает сомнений. Однако реализация этого права сталкивается с доказательственными трудностями: нотариус при оформлении наследственных прав должен установить состав наследства, что предполагает подтверждение принадлежности наследодателю конкретного цифрового актива. В отношении токенов, хранящихся на авторизованных счетах резидентов Парка высоких технологий, такая возможность существует. В отношении токенов, размещенных на зарубежных платформах или в личных кошельках, механизм подтверждения отсутствует, что делает наследование фактически неосуществимым.

Наследование цифровых активов не может регулироваться единообразно, поскольку разные их виды обладают различной правовой природой. Токены (цифровые знаки) прямо названы в Декрете № 8 как объект, который может

наследоваться. Доменные имена в зонах .by и .бел наследуются в форме перехода права администрирования, при этом законодательство устанавливает, что может быть только один держатель, а при наличии нескольких наследников требуется заключение соглашения о разделе. Аккаунты в социальных сетях и мессенджерах в белорусском законодательстве вообще не отнесены к объектам гражданских прав, а пользовательские соглашения зарубежных платформ, как правило, запрещают их передачу.

Таким образом, законодательное регулирование должно развиваться по пути типизации, учитывая специфику каждой категории цифровых активов.

Список использованных источников:

1. Негареш, С. М. Цифровые активы (цифровое имущество): понятие и перспективы законодательного регулирования / С. М. Негареш // Государство и право в условиях глобализации : материалы междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, 2020. – С. 267–268.

2. Овчинников, А. И. Цифровые права как объекты гражданских прав / А. И. Овчинников // Философия права. – 2019. – № 3. – С. 104–112.

3. Шпаковская, В. В. Наследование цифровых активов как объектов гражданских прав / В. В. Шпаковская // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, 2021. – С. 177–180.

УДК 341.3

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ КАК ОСНОВНОЙ ИНСТИТУТ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СССР (1941–1945 гг.): К 85-й ГОДОВЩИНЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. И. Ермолович
Белорусский государственный экономический университет,
кандидат исторических наук, доцент

Начав войну против СССР в 1941 г., Германия обладала не только мощной армией, но и имела в своем распоряжении экономические ресурсы почти всей Европы. В июне 1941 г. ее экономический потенциал по производству металла, электроэнергии и добыче угля превосходил возможности СССР более чем в 2 раза. Следует также учитывать тот факт, что в оккупированных странах Европы германская армия захватила большие запасы стратегического сырья, оборудования и весь арсенал вооружений. Только производственный потенциал чехословацких предприятий «Шкода» по выпуску военной продукции превосходил мощности английских оборонных заводов. Мощность предприятий «Шкода» позволяла вооружить и оснастить до 45 немецких дивизий.